

Ли Чжао крепко встал на землю. Он пристально смотрел на старшего брата, не произнося ни слова. Качели замерли, но его сердце всё ещё колыхалось, как пустая доска, качающаяся между двух крайностей. Он не знал, как ответить на эту искреннюю, почти исповедальную откровенность наследного принца.

Тот молчал, не торопил, давая младшему брату пространство для размышлений.

— Но... Ваше Высочество, — наконец нарушил тишину Ли Чжао, подбирая слова с трудом, — разве Вы не боитесь? Вы сами сказали: сердца людей переменчивы. Неужели не страшно, что в конце концов я... избавлюсь от Вас, как от старой лошади после мельницы?

Последние слова дались ему с мукой.

Наследный принц не рассердился. Напротив — он мягко рассмеялся, развеяв напряжение:

— Ах, Сяо Ши! Я, конечно, день и ночь трудился на посту наследника, но сравнивать меня с ослом... Разве это не слишком грубо?

Шутливый тон умело сгладил резкость момента.

— Ваше Высочество! — возмутился Ли Чжао, покраснев. — Смысл важнее формы! Не искажайте мои слова!

— Ладно, — улыбнулся принц, заметив смущение брата, — мой младший брат повзрослел. Его уже не потешить так просто.

Он стал серьёзным:

— Сяо Ши, скажи мне честно: ты бы это сделал?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Я давно заметил, что ты странный. Хотя мы получали одно и то же воспитание, в тебе с самого начала жила своя собственная, почти упрямая система морали и поведения. Как бы сказать... доброты в тебе с избытком, а жестокости — в недостатке.

Ты даже не захотел, чтобы отец сам приказал казнить принца Ци — боялся, что его руки запачкаются кровью сына, и потом он будет мучиться раскаянием. А я... я ведь всё-таки неплохой старший брат? В твоём сердце я должен хоть что-то значить?

— Я просто беспокоился о репутации отца, — попытался оправдаться Ли Чжао.

— Да брось! — резко оборвал его принц. — Ты осмелишься сказать, что в ту минуту в голове у тебя ни разу не мелькнула мысль: «А вдруг отец потом будет страдать?»?

Ли Чжао открыл рот, но под пронизательным взглядом брата лишь опустил глаза. Да, эта мысль действительно была.

— Значит, — голос принца стал мягче, почти поощряющим, — теперь можешь ответить на мой вопрос?

Ли Чжао поднял голову и встретился взглядом с братом. В этих глазах не было упрёка — только терпеливое ожидание. И вдруг вся внутренняя борьба исчезла.

— Простите меня, Ваше Высочество, — начал он, заранее прося прощения за то, что могло ранить. — Мне нужен этот трон наследника.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями, и выложил всё, что носил в душе:

— Раньше я действительно не стремился к этому месту. Мне казалось, что я попал в этот мир лишь затем, чтобы испытать королевскую жизнь и семейные узы. Я мечтал стать обеспеченным, но беззаботным принцем, который сможет спокойно прожить жизнь в безопасности — и этого мне было бы достаточно.

Но теперь всё изменилось. У меня появились цели. Я хочу сам двигать реформы, которые принесут пользу миллионам и обновят империю. Я не хочу быть лишь советником или помощником. Мне нужна власть, которая позволит решать направление этих преобразований и гарантировать их осуществление. Ведь эти перемены затронут не один класс.

Он смотрел прямо в глаза брату:

— Этот трон наследника — лучший путь к моей цели. Поэтому... простите, Ваше Высочество. Мне он нужен.

Из фрагментов, раскрытых Небесным Занавесом, уже было ясно: история этого параллельного мира отличается от той, что он знал в прошлой жизни.

Он не знал, вызвано ли это его появлением здесь или такова изначальная судьба мира. Возможно, это и звучит самонадеянно.

Но он хотел этого будущего. Не только ради себя — ради того неизвестного, но возможного завтра.

В саду снова воцарилась тишина. Наследный принц слушал молча. На его лице не было и тени

обиды. Напротив — когда Ли Чжао произнёс последние слова, в его глазах мелькнуло сложное чувство: облегчение, одобрение... и даже лёгкое освобождение.

— Хорошо, — тихо сказал он, и в голосе звучала странная покойность, будто пыль наконец осела. — Я понял.

Он посмотрел на брата:

— Сяо Ши, не чувствуй вины. Даже если бы мы сегодня не говорили, отец всё равно рано или поздно принял бы решение. Он уже признал тебя. Смена наследника — лишь вопрос времени.

— Что?! — изумился Ли Чжао. Хотя он и открылся отцу в кабинете, такого поворота не ожидал.

Принц усмехнулся — улыбка человека, давно понявшего игру судьбы:

— Как же иначе? Небесный Занавес так ярко описал подвиги Шэнцзу, что даже я восхитился. А отец? Разве он не почувствует зов?

Он говорил с глубоким знанием характера отца:

— Наш отец порой упрям и даже наивен в мелочах. Но когда дело касается основ государства, он способен отсечь даже свою плоть и кровь.

Он не допустит, чтобы при дворе одновременно существовали два дракона, сражающихся за небесную удачу. Продолжать эту неопределённость — вредно для страны, для двора, для нас обоих.

Его взгляд снова упал на Ли Чжао:

— Этот разговор... скорее, моя личная просьба. Я хотел услышать твои истинные мысли. Ведь я передаю не просто титул наследника — я передаю будущее всей Поднебесной. Я хотел убедиться: готов ли ты нести это бремя и хватит ли в тебе духа?

Он поднял руку и легко похлопал брата по плечу — так, как делал в детстве:

— Раз у тебя есть цель и причина занять тот трон — иди за ней. Но помни: я буду следить. Если однажды ты свернёшь с пути... я не из тех, кто сидит сложа руки.

В этот миг вся зависть, обида и недоверие испарились, как утренний туман.

Ли Чжао смотрел на брата. Тысячи слов клокотали в груди, но вырвалось лишь одно — чёткое,

как клятва:

— Ваше Высочество, я не подведу.

— Ладно, с делами покончено. Пора обедать. Пойдём, пока твои любимые блюда не остыли, — сказал принц, поднимаясь первым, будто только что не решал судьбу империи, а просто беседовал с младшим братом за чашкой чая.

Ли Чжао тоже встал. Он смотрел, как брат идёт к столовой, и солнечный свет, играя на его плечах, разгонял последние тени тревоги. Глубоко вдохнув, он последовал за ним.

После спокойного обеда во дворце наследника Ли Чжао простился с братом. У ворот его уже ждала карета и Фугуй, который с нетерпением выглядывал из-за занавески.

— Ваше Высочество, едем прямо во дворец Руйван? — спросил Фугуй, проворно открывая дверцу.

Ли Чжао ловко забрался внутрь, устроился поудобнее — и покачал головой:

— Нет. Едем во дворец Минь. Задними воротами. Мы идём к Минь Чжэню.

— Ах, Ваше Высочество! Опять задними воротами? — Фугуй нахмурился. — Вы что, снова собираетесь лезть через стену?

— А что? Нельзя? — брови Ли Чжао взлетели вверх, он смотрел на слугу с полным праведным спокойствием.

— Боже мой, Ваше Высочество! — Фугуй чуть не подпрыгнул от отчаяния. — Может, стоит немного побереечь репутацию?

— Раньше Вы шалили... э-э... были свободны в нравах — и ладно. Но теперь! Теперь Вы — будущий Шэнцзу, избранный самим Небесным Занавесом! Вы — знаменитость на весь свет!

— А если какой-нибудь невежа увидит, как будущий император, подобно развратнику, карабкается через чужую стену? Это подорвёт Ваш авторитет! А если до императора дойдёт — совсем плохо будет!

— Фугуй, ты слишком много думаешь, — отмахнулся Ли Чжао, смеясь. — Кто станет целыми днями глазеть на чужие стены? И вообще — с чего это Шэнцзу нельзя лазить через забор?

Надо с себя пример начинать! Вперёд, во дворец Минь, задними воротами!

Фугуй, зная упрямый нрав своего господина, понял: убеждать бесполезно. С тяжёлым вздохом он высунулся наружу и уныло бросил возничему:

— Во дворец Минь... задними воротами.

Карета тронулась. Да, «корона Шэнцзу», водружённая Небесным Занавесом, приносила немало хлопот. Но если из-за неё нельзя даже через стену перелезть — жизнь станет чересчур скучной.

Ли Чжао прислонился к стенке кареты, слушая ворчание Фугуя, а мысли унеслись в прошлое.

На самом деле, эта привычка лазить через стены имеет свою историю. Поначалу он и не собирался этого делать. Просто Минь Чжэнь был первым настоящим другом в его жизни.

Его отец, желая, чтобы дети императора не отрывались от народных бед, установил особое правило: по достижении десяти лет каждый принц или принцесса получает специальный жетон.

С ним можно четыре раза в месяц выходить из дворца — на один день за раз, обязательно вернуться до закрытия ворот и ни в коем случае не раскрывать своё положение. Выходить или нет — по желанию.

Разумеется, безопасность обеспечивалась: за каждым следили тайные и явные охранники. В столице это было относительно безопасно.

Неизвестно, как другие принцы относились к этому правилу, но Ли Чжао с нетерпением ждал этого дня. Ему так хотелось увидеть и почувствовать жизнь за стенами дворца!

Другие принцы учились в Академии Ханьхай вместе с товарищами извне — они играли, рассказывали о мире за стенами. А Ли Чжао не мог иметь таких товарищей — из-за той самой тайны с женской одеждой.

Официально считалось, что десятый принц болезнен и нуждается в покое. Поэтому до получения собственного дворца он почти не появлялся при дворе — чаще всего его показывали как принцессу.

Его обучение проходило в одиночестве: строгие наставники, выбранные лично императором, вели индивидуальные занятия. Без возможности отвлечься, без живого общения — это было мучительно скучно. Поэтому тот самый жетон, обещающий свободу, стал для него настоящим спасением.

Наступил долгожданный день — его десятый день рождения.

— Матушка, когда отец придёт праздновать мой день рождения? — маленький Ли Чжао, одетый в яркие новые одежды, сидел на мягком ложе и болтал ногами, глядя на Лань Гуйфэй с надеждой в больших, чистых глазах.

Лань Гуйфэй не удержалась — схватила сына и принялась нежно мять его щёчки и растрёпывать волосы.

Малыш надул щёки, как разъярённый речной окунь, и отбился от «когтистых лап» матери:

— Матушка! Я уже взрослый! Так больше нельзя! У меня есть достоинство!!

— Ах да? И что именно нельзя? — игриво поддразнила она, смеясь.

В этот момент в дверях появился император. Маленький Ли Чжао обрадовался — вот, наконец, защитник!

Но вместо защиты отец подошёл и сам хорошенько потрепал его по голове, довершив разгром причёски.

— Нарядился, как павлин, — с усмешкой прокомментировал он.

Это было уже слишком! Объединённая атака родителей! Ли Чжао покраснел, бросил на каждого по обиженному взгляду и уже собрался гордо возразить...

Но император, словно предвидя бунт, вынул из рукава изящный жетон с выгравированным именем «Ли Чжао».

— Держи. Твой, — протянул он, с лёгкой укоризной добавив: — Помни правила. Никаких нарушений. И особенно — никакой мужской одежды. За нарушение — жетон отберу.

— Папа! Я тебя обожаю! — Все обиды мгновенно испарились. Глаза мальчика засияли, он схватил жетон свободы и чуть не подпрыгнул от восторга.

Император нарочито нахмурился:

— Слышь, Лань! От кого он такое нахватался? Благородный муж должен быть сдержан и степенен, а не метаться, как сорванец!

Но уголки его губ предательски дрожали от улыбки.

Лань Гуйфэй прикрыла рот ладонью:

— Ваше Величество, клянусь — это не я его так учила!

Тот день рождения, возможно, не был самым роскошным, но стал самым ожидаемым в жизни Ли Чжао. Тот маленький жетон — не просто подарок. Это был первый ключ к огромному миру за стенами дворца.

Уже на следующий день, с замирающим сердцем и в сопровождении охраны, он впервые переступил порог, за которым провёл десять лет своей жизни.

Именно тогда он впервые встретил того, кто с тех пор стал его верным другом — Минь Чжэня.

<http://bllate.org/book/17167/1607059>